

Juvenilia

I.

Я тот, кому вечно будет
поклоняться человечество.

Калигула

Пить вино без эмоций, пить вино, как Го_ораций,
Когда Рим исчезал среди мраморных груд -
В гуле оргий и драм отстоять от оваций
Не для римлян проделанный труд.

А ко мне приходят только гости...

И такой же, как и в Сильс-Марии,
Дождь и снег, бродяга и агностик,
И душистый приступ малярии.

У страны, где так много певучих и чутких
Из скорлуп и сердец зародившихся птиц,
Нет двенадцати воронов, черных и жутких,
Злобных выродков римских теплиц.

У Атиллы в степи много девственных спален,
Там потомство волчиц, погребенья, туман -
У народа страны с легкой болью миндалин
Пробуждается чувство славян.

Душистый приступ малярии

довел меня до иступленья,

Довел меня до преступленья

в пустынном водопаде ночи.

Прольется ночь, ночь-византийский ливень,
И Цезарь лучезарный успеваает

принять твой облик и экстаз, Нерон...

Но новый день, еще интуитивен,
Ее проводит с дрожью на перрон.

Ей уезжать - без женского софизма,
Глухие чащи вестью наводня -
Я называл ее своей отчизной,
Глотая с комом слез кометы, залпы дня.

У заснеженных улиц, где я и Вергилий,
В целлофане зимы целомудренный вид.
Вестник века, с тобой у весталок мы пили
И читали им явь Энеид.

январь 1965

П.

Поворожи немного в тихой спальне
ты пылесосом, взятым напрокат...
Давай поговорим о гениальном, —
мне предлагает незаконный брат.

Внизу давно прогуливались бонны.
Их Ленинград — как гранд, уводит прочь,
и на панель отжатые лимоны
из фонарей вытряхивает ночь.

Мы говорим, пока не грянут стены
в её тени шалфейные пруды —
астральное виденье Карфагена
в пустой породе жилою руды.

Проклятья близких, любопытство дальних
составят день — и в том он будет весь.
Не он ли взбил у бледных и летальных,
у губ безумца золотую взвесь?

Поворожи немного в тихой спальне
ты пылесосом, взятым напрокат...
Давай поговорим о гениальном, —
мне предлагает незаконный брат.

1966

. . .

Памяти Л.П.Карсавина

Ты много потерял, Петрополь,
зато удвоил у себя
пустых домов, забитых окон
и улиц, темных с сентября.

И за душой забыв о теле,
сберег ты лишь лица овал.
Ведь если прежде бес метели
едва повсюду попевал,

то ныне семь других и злейших
с безводных мест привел с собой, —
"Вы не покажете, милейший,
где в этом доме домово́й?"

январь 1970

Ангога

Когда, росой землю остудив,
она с небес ступила и примяла
траву к земле, но белизной груди
живое все в природе приподняла,

тогда, покинув мужа и дитя,
вспорхнула голубицею Софья,
и из скитаний инобытия
вернулся дух в предвечную стихию.

февраль 1970

. . .

Мне был дороже бытия
твой быт — брусничное варенье,
пасьянс и все, что для тебя
мир сохранил со дня Творенья.

Но дольше, чем на серебре
хранит восторг творца чеканка,
ты сохранишь в своем добре
монашки лиц и пыл вакханки.

А для себя прошу — прости
моей судьбе ее капризы:
так надо сбиться нам с пути,
чтобы найти порог отчизны.

февраль 1970

. . .

О тонкая свечка со злым язычком,
о пчелка живая из мягкого воска,
ты помнишь, ступил я еще новичком
на сцену любви и измены подмостки.

И, белый мукой гробового помола,
я глаз не сводил с длинных ног и подола.

Она же, зажав тебя в пальчиков клюв,
поставив коленку на краешек стула,
и сгибами ног под подошвом сверкнув,
повыше, поближе к верхушке воткнула.

И сразу ты к ветке сама приросла
зажимом, похожим на челюсть осла.

На елке игрушки, под елкой иголки,
с хмельными гостями прощаний загвоздка —
Творения срок был, как видно, недолгим,
скудна была дней созиданья разверстка.

И в спешке Ему вместо мягкого воска
попалася под руку скользкая глина.

Февраль 1970

. . .

Зима. Ненастье. Петербург.
Над ними — всадник государев.
Благословен же демиург,
не разделивший участь твари.

Рабы тебе готовят смерть,
но гнут они напрасно спину:
в урочный час, минуя твердь
ты камень в отчую трясину.

О, как безвкусен твой палач —
не отерев проклятий пота,
он принялся уже кумач
стелить на доски эшафота.

Но что нам ждаться от палачей,
и им ли знать закон и меру —
ведь твой конец — конец ничей,
и нами принят он на веру.

9 марта 1970

. . .

"Wait without hope ..."

T. S. Eliot

Весной заболеваешь вдруг,
ступив неосторожно в лужу,
но пред тобой, милый друг,
я хворь свою не обнаружу.

Ведь перед смертью обрести
и значит: понести утрату.
и лучше жертву принести,
чем чудо не понять превратно.

19 марта 1970

. . .

Девочка с софийным взором,
для чего смущать тебя
воспаленной речи вздором —
разве чтоб платок с узором,
ты стояла, теребя.

Только знай — любви источник
и ее начало в том,
что батистовый платочек
так сверкал под рукавом!

20 марта 1970

. . .

Когда б на звере, с чашею в руке,
жену царей узрел я в багрянице,
то, бросив все, я стал бы ей возницей
по вокруг земли обвившейся реке.

Но я иной нашел источник зла —
он чист, прозрачен, отражает небо,
а не стихию мрачного Эреба —
на дне его песок, а не зола.

Твой дивный облик — тихая обитель
стихийных, темных, беспощадных сил.
Но как узнать, кто их туда впустил?
Не мне ль подобный, чающий проситель?

22 марта 1970

. . .

Забвенье, шутовство, разлуку —
Мы все готовы перебрать,
Чтобы последней испытать
Любви осуществленной муку.

23 марта 1970

. . .

Во всяком соприкосновеньи
двух душ всего ужасней мне
неизлечимое мгновенье;

когда одна пылает стогом,
другая зрит ее втайне
в обличьи бледном и убогом.

И если отвечает ей
подсказанными именами
и принужденными устами,
то тяготится все сильнее.

26 марта 1970

. . .

В час преднамеренный наитие
мне почему-то не явилось,
и со смирением просителя
мое желанье обновилось.

И близкой гибели неведенье,
и двух частей разъединенье
вошли в мой сон послеобеденный,
нарушили уединенье.

Гонимый танцами, опомнися!
Предлога чувственность, изыди —
избыток неарийской томности
в пробел ее лица мне виден.

Забытая книга

Все лето жил один на даче.
Худой, как шест громоотвода,
он жил одним — понять, что значит:
любимая то есть природа.

И дочь болезненной соседки
смотрела, как, ссутулив спину,
бродил он раздирая ветки
смородины или малины.

.

И от неслыханного горя
расплакалась над фюлиантом,
где было наше рабство *more*
geometrico demonstrandum.

22 апреля 1970

Джен Эйр

Под тонкой ризой, белой кожей
зажгли свечу среди темных вод,
и сразу в мир, по воле Божьей,
несут, чтобы имела плод.

В воздушных струях клонит пламя,
но до конца пути стройна —
была бы вера в нас, как камень,
и было б сердце, как струна.

18-19 янв. 1973

(после кинематографа)

Бегство лицедеев

I.

Уже Арго покинула Иолк
и светлая, несла друзей в Колхиду.
Уж скрылася Фессалия из виду,
и nereid прощальный гомон смолк.

Оставь их, ветрениц, Арго, лети стрелой,
вонзись в любой из вереницы остров.
Достигли мы окраины земной,
страны чудес, опасностей и монстров.

2.

Высокий кубок серебром окован,
и мы просили с Хиоса вино,
как Фрикс и Гелла золотого овна:
умчи нас в даль от мстительной Ино.

Склонив лицо над яшею пустод,
кого ни встречу - зверя, деву, злак.
Прими же нас. На Твой архипелаг
бежали мы, гонимы красотой.

Проплыли путь под пастью Симплегад,
под властью бурь, неверностью пучины.
Руно истлело. Надо плыть назад,
сквозь ночь и снег, привычные личины.

18-20 февр. 1973

. . .

"Утро холодное, утро туманное..."
Ты прошептала почти безмятежно:
"Мною владеет предчувствие странное,
что до зимы я умру неизбежно".

Ночью был дождь, и забытая книга
спит на веранде, как мертвая птица.
"Ты обещаешь мне: до смертного мига
пусть осеняет любовь наши лица.

Между любовью и вечным покоем
мне выбирать уж осталось недолго.
Станешь ли ты выбирать между мною
и звездным небом, и - нравственным долгом?"

май 1981

. . .

Я, видящий тебя, ты, видимая мною,
и виденье, и зрение мое - слились в одно.
Не зря я брел к покою
И _пил с утра веселое вино.

Как хорошо, что ни крупички соли
мы никогда с тобой не съедим.

I40a

Пусть счастья нет, пусть нету даже воли,
пусть нет тебя... рассеялась как дым.

2-3 марта 1982

. . .

Звериной шерсти клочья
на черных стволах
Кто любит эту почву,
обратится в прах.

Ему покажет ворон
дорогу в лес,

1 мая 1981

где уходят корни
в глубину небес.

И воду держит
до лета дерн.

И слова те же:

К злодеям причтен.

Одинокий воин
(Из Йозефа фон Эйхендорфа)

"Гляди, ты оставлен всеми,
гляди, ты совсем один,
и скоро усталой тенью
ты будешь среди руин.

Никто из друзей не встанет
в битве рядом с тобой —
их кони, быстры, как лани,
умчат их дорогой иной".

"Прочь, я начну сражение
и сложенным мечом.
Я вышел не для стяжанья,
и слава тут не при чем.

Смертельный удар принявши,
венеч я не приму,

июнь 1982

и под листвою опавшей
спокойно я усну.

Крепко сомкну я веки,
как после лучших удач,
и пусть прозвенят доспехи
мне погребальный плач.

Ведь я истлеть не успею,
покрыт зеленой травой:
победа над ней повеет,
и юный придет герой.

Друзья, мы не первыми
бились —
— скажет соратникам он —
вот в ранах смертельных
витязь,
но взор его просветлен".